

рассматриваются на занятиях 13-15 курса истории древней Греции: “Культура классической Греции (религия и мифология, наука и литература, архитектура и изобразительные искусства)”, “Античный театр и драматургия”, “Политическая публицистика IV в. до н.э.”, и 15-16 курса истории древнего Рима: “Империя и христианство в I-IV вв н.э.”, “Культура Римской империи I-III вв. н.э.”, либо те проблемы, по которым в науке существует большое различие во взглядах, и всестороннее ознакомление с которыми на лекциях затруднительно, например, понятия и сути эллинизма или сущности и правовых форм системы принципата в Риме.

Таким образом, сочетание общих курсов и практических занятий по истории древней Греции и Рима создает надежный фундамент для дальнейшего всестороннего изучения как античной цивилизации, так и последующих эпох мировой истории.

Шарнина А.Б.

ГЛУСКИНА ЛИЯ МЕНДЕЛЕВНА

(27. 06. 1914 г. Минск – 06.02.1991 г. Ленинград)

Когда я поступила в 1970 г. на исторический факультет ЛГПИ им. А.И. Герцена, имя Лии Менделевны Глускиной было одним из первых, которое я слышала от бывалых студентов третьего курса, посвящавших меня в тонкости студенческой жизни на факультете. Оно произносилось с каким-то особым восторгом, смешанным с благоговением.

Лия Менделевна Глускина родилась 27 июня 1914 г. в Минске в семье, где уже было несколько поколений раввинов. Ее дедом со стороны матери был ребе Лейзер Рабинович, возглавлявший минский раввинат с 1896 г.

Он был зятем Минского Гаона ребе Ерухима-Лейба Перельмана (“великого минчанина”), который славился своей мудростью. Отец Лии Менделевны реб Менахем-Мендл Глускин в 1924 г. сменил своего тестя ребе Лейзера Рабиновича на посту минского раввина. Он был не только большим знатоком Торы, но и всесторонне образованным человеком: прекрасно знал европейскую и русскую литературу, владел французским языком и основами высшей математики. Широкое и глубокое образование он старался дать и своим детям. В семье было четыре дочери. Лия Менделевна была второй по возрасту. Детство и юность ее пришлись на смутные годы революции и становления нового режима, энергично боровшегося с любыми оппозиционными идеями и религиями. В стране начинаются преследования и еврейских деятелей религии и культуры. Семью выселили из государственной квартиры и она была вынуждена жить в Минской синагоге. Отца неоднократно подвергали арестам. Сестры оказались в числе “классово чуждых элементов”. Будучи детьми раввина они не могли ходить в обычную школу как по религиозным причинам (занятия в школе проводились и по субботам), так и из-за ограничений, налагававшихся советской властью, запрещавшей тогда детям чуждого социального происхождения учиться в государственных учреждениях. Девочки занимались дома с репетитором. Мать учила девочек рукоделию. Впоследствии Лия Менделевна с гордостью говорила, что умеет прекрасно штопать чулки, так как мама начала их учить этому с раннего возраста. Однако в 1929 г. еще совсем молодой мать умерла. Младшей дочери тогда было только семь лет. Лия и ее сестра Соня были отправлены к родственникам в Москву, чтобы закончить семилетку. В 1934 г. отца пригласили в Ленинград на должность главного раввина города. И семья уехала из Минска.

В Москве Лие Менделевне пришлось работать то ли

на чулочной, то ли на трикотажной фабрике. Затем она поступила в книготорговый техникум, не дававший, однако, полного среднего образования. И вот в 1936 г. принята так называемая “сталинская конституция”, “самая гуманная”, “самая демократическая в мире”, которая провозгласила в числе прочего и равное для всех право на образование. Лия Менделевна часто вспоминала впоследствии то воодушевление, которое охватило сестер, страстно стремившихся к знаниям. Правда, быстро стало ясно, что красивые лозунги так и остались лозунгами и “сын за отца” отвечал по-прежнему. Однако в момент принятия Конституции власти старались показать, что права, в ней провозглашенные, реально осуществляются. Сестры решили поступать в Ленинградский государственный университет, для этого им пришлось самостоятельно выучить программу средней школы. В университет в те годы надо было сдавать экзамены по всем школьным предметам, включая и такие, например, как химия и физика. Блестяще сдав вступительные экзамены, в 1936 г. Лия Менделевна стала студенткой исторического факультета ЛГУ.

В те годы в Ленинградском университете работала плеяда блестящих ученых-классиков: И.И. Толстой, И.М. Тронский, С.Я. Лурье, Я.М. Боровский. Лия Менделевна с теплотой говорила и о других преподавателях, не имевших громких имен, но давших ей хорошую школу. Так, она, говоря о важности хорошего знания элементарной грамматики древних языков, часто с благодарностью вспоминала своего университетского преподавателя, который своей требовательностью и жесткостью “вдолбил”, по ее выражению, ей элементарную грамматику латинского языка на всю жизнь. Конечно, успехами в изучении языков Лия Менделевна обязана не только преподавателям, но и своим способностям и огромному трудолюбию, которое ее отличало на протяжении всей жизни. Примером такого трудолюбия может служить

огромное количество конспектов монографий, выписок из книг и статей, обширная картотека, составлявшаяся на протяжении всей жизни. Научным руководителем Лии Менделевны стал С.Я. Лурье. С ним Лия Менделевна совершенствовала свои знания древних языков и делала первые шаги в науке. К студенческим годам относится ее первая печатная работа — перевод биографии Никия, сделанный для издания “Избранные биографии Плутарха”, подготовленного под редакцией С.Я. Лурье. Том вышел в 1941 г.¹ Училась Лия Менделевна блестяще.

В университете Лия Менделевна встретила Иосифа Давидовича Амусиним. У него несмотря на молодость за спиной были годы тюрьмы и ссылки. Вернувшись в 1935 г. в Ленинград после ссылки, он поступил на тот же факультет, куда потом поступит Лия Менделевна. В трагическом 1937 г. Иосифа Давидовича снова арестовали, обвинив в шпионаже в пользу какой-то западной державы. Для человека, уже побывавшего в тюрьме по политическому обвинению, трудно было надеяться не то, что на оправдание, но даже на сохранение жизни. Но ему повезло. Он испытал и ужас и мучения пыток в тюрьме, и голод и холод в сталинских лагерях, но к счастью провел там только год. Произошла очередная смена руководителей НКВД, новый начальник “исправлял ошибки” предыдущего, и в пропагандистских целях некоторых заключенных выпускали на свободу. Конечно, человек с биографией Иосифа Давидовича не мог оказаться среди тех, кому повезло, но помогли хлопоты близких и друзей. В 1939 г. Иосиф Давидович вернулся в университет и оказался на одном курсе с Лией Менделевной. Вскоре они поженились.

Окончание университета совпало с началом войны. Дипломы они получали 29 июня 1941 г. — такая дата

¹ Плутарх. Никий (пер. с древнегреческого) // Плутарх. Избранные биографии. Под ред. проф. С.Я. Лурье. Соцгиз. М.-Л. 1941. с. 104-123.

стоит в дипломе. Иосиф Давидович сразу же записался в ополчение, две сестры Лии Менделевны также ушли добровольцами на фронт. А она поехала по направлению университета в глухую татарскую деревню под Казанью, куда из-за бездорожья с трудом добирались не только машины, но даже лошади. Лия Менделевна легко переносила тяжелые условия быта, полуголодное существование. Из-за нехватки учителей приходилось преподавать не только историю, но и другие предметы. Она поработала завучем и даже короткое время директором школы. Но административная работа ее тяготила. И к удивлению местных жителей и коллег, имея все шансы сделать по местным масштабам блестящую карьеру, молодая директриса стала добиваться освобождения от этой должности. Что было не только трудно (из-за нехватки кадров), но и небезопасно в условиях того времени. Отказ от должности мог быть поставлен в вину. Не надо напоминать с какой легкостью даже в мирное время объявляли изменниками родины людей за незначительные проступки, да и без всякого повода. Лия Менделевна вспоминала, что она, действительно, испытывала страх, но оставаться директором не могла. В конце концов она вновь стала рядовым учителем и вздохнула с облегчением.

В 1944 г. пришел вызов от С.Я. Лурье в аспирантуру в Саратов, где тогда находился Ленинградский государственный университет. А вскоре университет вернулся в Ленинград. И можно было уже заниматься в библиотеках города, читать древних авторов и писать диссертацию.

В 1948 г. (16 июня 1948 г.) под руководством С.Я. Лурье Лия Менделевна защитила кандидатскую диссертацию: “Политическая роль дельфийского оракула (из истории Дельфов VI в. до н.э.)”. Диплом кандидата наук был выдан только в сентябре 1949 г. Знаменитым общегреческим святилищем в те годы в Советском Союзе

почти никто не занимался. И работа была по сути первым в советском антиковедении исследованием, где рассматривалась не только политические, но и экономические проблемы истории оракула и святилища Аполлона в Дельфах. Надо заметить, что и потом у нее долго не было последователей. Фактически на протяжении полувека Лия Менделевна была единственным специалистом в стране по этой тематике. Только в 2000 г. вышла монография О.В. Кулишовой, посвященная истории этого святилища в архаический и классический период.² По действовавшим тогда правилам публиковать статьи можно было только после защиты диссертации, не предусматривалось и издание автореферата. К диссертации прилагались лишь машинописные тезисы работы (5 стр.). Основное содержание диссертации нашло отражение в статьях, опубликованных Л.М. Глускиной уже в 50-е гг. в журнале “Вестник древней истории”.³ С этого времени и до конца жизни Лия Менделевна была постоянным автором этого журнала.

Статьи Лии Менделевны по истории Дельф сохраняют свою актуальность и сейчас, они стали часто цитироваться в российской научной литературе. В цикле этих статей Лия Менделевна тщательно исследует, анализируя дошедшие источники, причины возвышения Дельф, их становление как общеэллинского святилища, роль в этих процессах дельфийского жречества. В статье “Дельфы в период первой священной войны” Лия Мен-

² Кулишова О.В. Дельфийский оракул в системе античных межгосударственных отношений (VII-V вв. до н. э.). Санкт-Петербург. “Гуманитарная Академия”, 2001.

³ Дельфы в период Первой священной войны // ВДИ. 1951. № 4. с. 213-221; Эзоп и антидельфийская оппозиция в VI в. до н. э. // ВДИ. 1954. № 4. С. 150-158; Политические тенденции гомеровского гимна к Аполлону Пифийскому // ВДИ. 1956. № 4. С. 13-24; Дельфы как экономический центр древней Греции // Ученые записки ЛГПИ. XII. 1956. Вып. 2. С. 146-165.

делевна критически рассматривая древнюю традицию об этой войне, не отрицает самого факта войны, но убедительно опровергает некоторые распространенные в научной литературе мнения, как, например, что одной из причин войны была вражда Фокиды с Крисой,⁴ и высказывает предположение, что Дельфы не были заинтересованы в окончательном уничтожении Крисы. Она, в частности, утверждает, что знаменитая клятва амфиктионов была принята не до Крисейской войны, а после, и, по ее мнению, инициатором этой клятвы было дельфийское жречество.⁵ Именно жестокости, которые были во время Крисейской войны, такие как разрушение города, члена союза, отрезание его от проточной воды, как это было с Крисой, побудили дельфийских жрецов настоять на включении в клятву запрета на подобные действия. В статье “Дельфы как экономический центр древней Греции” рассматриваются экономические аспекты деятельности Дельфийского святилища: роль Дельф как торгового центра Эллады, значение Пифийских игр и возникавшей во время их проведения ярмарки и асиии святилища для экономики Дельф. Лия Менделевна убедительно показала, как возросший в архаический период религиозный авторитет святилища приводил к увеличению богатств храма. “Скопление больших сокровищ в виде драгоценной утвари, слитков металла и денег создало возможность для развития кредитно-ссудных и ростовщических операций”.⁶ Мне показалось интересным и остроумным вообще-то частное наблюдение, но подводящее к более общим выводам, что рассказ Геродота об оракуле Главку дельфийского происхождения и свидетельствует о том, что

⁴ Дельфы в период Первой священной войны. С. 217.

⁵ Дельфы в период Первой священной войны. С. 219 - 220.

⁶ Дельфы как экономический центр древней Греции. С. 156.

Дельфы были заинтересованы в пропаганде верности денежным обязательствам. Это укрепляло престиж оракула. Если бог столь бдительно стоит на страже интересов вкладчиков в других областях Греции, то тем более можно быть спокойным за свои вложения в дельфийскую кассу.⁷ Дельфы как торговый центр Эллады заботились о сохранении своей автономии и о гарантии беспрепятственного доступа в святилище. И это же, по мнению Лии Менделевны, явилось причиной союза между Дельфами и Лидией.⁸ Указывая на важное значение Дельф как торгового центра, Лия Менделевна при этом отмечает и “замкнутый, узкими рамками характер этой торговли, отсутствие в самих Дельфах развитого товарного производства, примитивный характер кредитно-ссудных операций, накопление больших сокровищ, лежавших мертвым капиталом и не пускавших в оборот”.⁹ Она, кажется, первая в советской науке, подчеркивала важность учета экономического фактора при анализе политики Дельф и их отношений с греческим миром в различные периоды истории.

Лия Менделевна одна из первых поставила вопрос об истоках антидельфийской тенденции сказания об Эзопе и о существовании в Элладе антидельфийской оппозиции¹⁰ и убедительно доказала, опираясь на источники, что корни антидельфийских настроений находятся на востоке. Одна из причин – противостояние ионийских греков и Лидии, с которой Дельфы имели прочные связи. Более того, Дельфы заняли “недвусмысленную позицию поддержки лидийской экспансии”. Другая причина этих настроений в том, по мнению Лии Менде-

⁷ Дельфы как экономический центр древней Греции. С. 165.

⁸ Дельфы как экономический центр древней Греции. С. 165; “Основы лидийско-дельфийских отношений в VII-VI вв. до н. э”. С. 116-117.

⁹ Дельфы как экономический центр древней Греции. С. 165.

¹⁰ Эзоп и антидельфийская оппозиция в VI в. до н. э. С. 153.

левны, что Дельфийское жречество поддерживало аристократические группы в их борьбе против демократии и против ее ставленников – тиранов VII-VI вв. до н. э.¹¹

Если легенда об Эзопе говорит об антидельфийских настроениях среди простого народа, то Гомеровский гимн к Аполлону Пифийскому, наоборот, представляет образец дельфийской пропаганды. В статье “Политические тенденции Гомеровского гимна к Аполлону Пифийскому” Лия Менделевна высказывает и обосновывает предположение, что этот гимн был создан по заданию по этому, преданной идее возвеличения Дельф и дельфийского жречества.¹² В этой статье на основе блестящего исторического и филологического анализа текста гимна делаются выводы о позиции и намерениях дельфийского жречества, которое стремится узаконить замкнутую жреческую касту в Дельфах, и утвердить свое право, как потомков критян, не связанных кровными узами с местным населением, на автономию.¹³ Хотелось бы обратить особое внимание на истолкование строк 294/116-299/121. На мой взгляд, это прекрасный образец глубокого филологического анализа, показывающего не только прекрасное знание языка, но и чутье (или интуицию) молодого ученого. Лия Менделевна, интересно и оригинально аргументируя, отвергает принятое тогда чтение этого места и, предложив свою редакцию текста, делает вывод, что речь здесь идет о поселении вокруг храма многочисленных племен, для которых Аполлон явится объектом вечного поклонения.¹⁴

¹¹ Эзоп и антидельфийская оппозиция в VI в. до н. э. С. 157.

¹² Политические тенденции гомеровского гимна к Аполлону Пифийскому. С. 16-17.

¹³ Политические тенденции гомеровского гимна к Аполлону Пифийскому. С. 24.

¹⁴ Политические тенденции гомеровского гимна к Аполлону Пифийскому. С. 19.

Иосиф Давидович, придя с фронта (он дослужился до лейтенанта медицинской службы), поступил в аспирантуру института востоковедения и в 1949 г. также защитил диссертацию. Однако на работу ему было устроиться трудно и из-за своей биографии, и из-за начинающейся борьбы с космополитизмом. С помощью академика В.В. Струве и С.Я. Лурье ему удалось получить место в педагогическом институте г. Ульяновска. Там он проработал до 1954 г. А Лия Менделевна осталась в Ленинграде. Все эти годы им приходилось ездить друг к другу в гости. В Ульяновске Иосиф Давидович, а через него и Лия Менделевна, познакомились со многими замечательными людьми. Иосиф Давидович подружился с биологом А.А. Любищевым, вдовой Иосифа Манделъштама Надеждой Яковлевной. Вернувшись в 1954 г. в Ленинград, Иосиф Давидович стал работать секретарем у академика А.И. Тюменева. Так образовался еще один круг знакомств.

Жили Лия Менделевна и Иосиф Давидович сначала в коммунальной квартире на Васильевском острове (Тучков переулок), потом в кооперативной квартире на улице Орбели. В их доме бывали самые разные люди, писатели и историки, вернувшиеся из лагерей и ссылки и избежавшие этой участи, бывшие революционеры и кабинетные ученые. Вот только некоторые имена из длинного списка гостей этого дома: С.С. Аверинцев и Я.М. Боровский, М.Н. Ботвинник и А. И. Зайцев, Варлам Шаламов и Юрий Домбровский, автор “Факультета ненужных вещей”, внучка Германа Лопатина и Юрий Давыдов, многие годы посвятивший изучению народничества. В романе “Бестселлер” он поэтически вспоминал свои встречи с И.Д. Амусиным и вечера в их доме. На страницах романа Лия Менделевна и Иосиф Давидович временами появляются как двойники библейской пары Иосифа и Лии. В этот дом приходили даже незнакомые люди за советами, одни к Иосифу Давидо-

вичу проконсультироваться по вопросам Библии, другие к Лие Менделевне с просьбой перевести греческую цитату или уточнить какие-нибудь сведения из истории древней Греции. Так Иосиф Давидович и Лия Менделевна познакомились с А.А. Ахматовой, которой нужна была какая-то справка по библейскому тексту.

Летом 1962 г. Иосиф Давидович и Лия Менделевна отдыхали по приглашению Н. Я. Мандельштам в Тарусе. А в 70-е годы (вплоть до смерти Иосифа Давидовича в 1984 г.) они снимали дачу в Эльве в Эстонии. По соседству жила семья Ю.М.Лотмана, с которой их связывала большая дружба.

Еще занимаясь в аспирантуре в 1946/47 учебном году Лия Менделевна работала по совместительству на полставки старшим преподавателем кафедры всеобщей истории по заочному отделению Ленинградского Государственного Педагогического Института им. Покровского. А осенью 1947 г. была зачислена в штат на полную ставку на должность преподавателя кафедры всеобщей истории этого же института. Однако осенью 1950 г. ее переводят старшим преподавателем кафедры французского языка. В сентябре 1953 г. Лия Менделевна вновь оказывается на кафедре всеобщей истории, но на должности ассистента. Ученое звание доцента Лия Менделевна получает только через 7 лет после защиты диссертации — 31 марта 1955 г.

После слияния в 1957 г. Ленинградского Государственного Педагогического института им. Покровского и Ленинградского Государственного Педагогического института им. А.И. Герцена и до конца своей трудовой деятельности Лия Менделевна работала в Педагогическом институте им. А.И. Герцена.

Все эти годы Лия Менделевна совмещала педагогическую деятельность с научной работой, хотя это было очень сложно, при большой преподавательской нагрузке и различных обязанностях, при постоянном дефици-

те времени. Лия Менделевна регулярно работала в библиотеках Ленинграда и Москвы, изучая различные аспекты экономики Афин и социальных отношений в V-IV вв. до н.э. По материалам этих исследований была опубликована серия статей в Вестнике Древней истории.¹⁵

В 1968 г. Лия Менделевна защитила докторскую диссертацию “Исследования по социально-экономическим отношениям в Аттике IV в. до н.э.”, а в 1970 г. получила звание профессора по кафедре всеобщей истории (курс истории древнего мира).

В 1975 г. на основе докторской диссертации вышла книга “Проблемы социально-экономической истории Афин. IV в. до н.э.”¹⁶

В этих работах даны блестящие и поучительные образцы анализа античных текстов. Лия Менделевна иногда предлагает оригинальное прочтение и толкование отдельных слов надписей. В частности, в статье “Афинские метеки в борьбе за восстановление демократии”, вопреки мнению многих ученых, она высказывает предположение, что в надписи с текстом декрета о награждении соратников афинской демократии в борьбе против правительства тридцати слово ἐγγύησις – могло значить не “брачный договор”, а “право поручительства”.¹⁷ Тем самым оказывается, что афинские метеки

¹⁵ Афинские метеки в борьбе за восстановление демократии в конце V в. до н. э. // ВДИ. 1958. № 2. с. 70-89; Социальный аспект эранос-займов в Аттике IV в. до н. э. // ВДИ. 1960. № 1, с. 35-45; Эйсфора в Афинах IV в. до н. э. // ВДИ. 1961. № 2. С. 23-38; О правовом положении афинских вольноотпущенников в IV в. до н. э. // ВДИ. 1965. № 1. С. 51-61; Судебные процессы по делам, связанным с рудниками, в Афинах IV в. до н. э. // ВДИ. 1967. № 1, с. 49-59; Аренда земли в Аттике IV в. до н. э. // ВДИ. 1968. № 2. С. 42-58.

¹⁶ Проблемы социально-экономической истории Афин IV в. до н. э. Спецкурс. Изд-во ЛГПИ. Л. 1975.

¹⁷ Афинские метеки в борьбе за восстановление демократии в конце V в. до н. э. С. 84.

в награду за помощь в восстановлении афинской демократии после тирании тридцати получали важное право поручительства при сделках, что существенно облегчало им экономическую деятельность.

Тщательно анализируя данные источников, Лия Менделевна показывает жизнь древних эллинов в конкретных ее проявлениях, но при этом отмечает и общие тенденции, характерные для эпохи. В статье “О специфике греческого полиса” Лия Менделевна показала не только общие черты, присущие этой форме древнего государства в Греции классического периода, эпохи эллинизма и в Риме, но и существенные отличия классического греческого полиса от эллинистического и римского. Лия Менделевна обратила внимание на прямо противоположные причины кризиса греческого полиса и Рима – полиса, отметила также и существенные различия в идеологии. В числе различий Лия Менделевна называет редко до этого выдвигавшуюся причину – отсутствие достаточно прочных источников доходов государства, например, постоянных прямых налогов в Афинах.¹⁸ К интересным, относительно частным, наблюдениям относится отмеченный ею факт, что при перечне имущества состоятельных афинян рабы, занятые в земледелии не фигурируют как особая статья, в то время как рабы-ремесленники всегда выделяются, что говорит о незначительном применении труда рабов в земледелии, в отличие от ремесла.¹⁹ Критикуя распространенное в науке мнение, идущее еще от античности, о пренебрежении к труду в афинском обществе, она доказывает, что на самом деле пренебрежение к труду не было всеобщим и не характерно для идеоло-

¹⁸ О специфике греческого классического полиса в связи с проблемой его кризиса // ВДИ. 1973. № 2. С. 36.

¹⁹ О специфике греческого классического полиса в связи с проблемой его кризиса. С. 29.

гии демократических слоев,²⁰ и опровергает устойчивое мнение, что в афинской экономике труд рабов вытесняет труд граждан. Наоборот, утверждает Лия Менделевна, проблема предоставления работы афинским гражданам не была острой в Афинах IV в. до н. э.²¹ Особый интерес у нее вызывали неполноправные группы населения афинского полиса: метеки, вольноотпущенники. Результаты исследования этих групп обобщены в книге “Проблемы социально-экономической истории Афин IV в. до н. э.”. Лия Менделевна показала, что в IV в. до н. э. роль метеков и вольноотпущенников в экономической жизни Аттики возросла. А это, “наряду с проникновением какой-то части их в число афинских граждан”, является частью углубляющегося кризиса полиса.²²

Одновременно Лия Менделевна работала над переводами речей афинских ораторов Эсхина, Гиперида, Исократ, которые были опубликованы в 60-е годы в ВДИ.²³ Переводы сделаны с большой тщательностью и предельной точностью и при этом написаны прекрасным литературным языком. В этом же журнале регулярно публиковались ее глубокие и вдумчивые рецензии на книги и статьи, появившиеся за рубежом. Эти рецензии сами представляли собой научное исследование, так как в

²⁰ О специфике греческого классического полиса в связи с проблемой его кризиса. С. 31.

²¹ О специфике греческого классического полиса в связи с проблемой его кризиса. С. 34.

²² Проблемы социально-экономической истории Афин IV в. до н. э. с. 70.

²³ Гиперид. Речи. Пер. с древнегреческого // ВДИ. 1962. № 1, с. 205-242; Эсхин. Речь против Ктесифонта. Пер. с древнегреческого // ВДИ. 1962. № 4, с. 189-239; Псевдо-Плутарх. Жизнеописания Гиперида и Эсхина. Пер. с древнегреческого // ВДИ. 1962. № 4, с. 239-241; 244-249; Исократ. О мире. Пер. с древнегреческого // ВДИ. 1966. № 3, с. 247-268.

них не только констатировались недостатки и достоинства той или иной работы, но и давалось собственное объяснение, излагался свой взгляд на научную проблему.²⁴

Лия Менделевна была не только большим ученым, но и замечательным лектором и прекрасным педагогом. Насколько я помню, на ее лекциях аудитория всегда была полной, приходили даже с других факультетов. Когда мы учились на втором курсе, Лия Менделевна читала спецкурс “Общественно-политическая мысль Древней Греции”. Перечитывая недавно этот конспект, я, имея уже опыт преподавания, была восхищена его продуманностью, тем, как излагаются сложные проблемы, чтобы быть доступными не очень искушенным в философии, да и просто малообразованным студентам. Этот спецкурс настолько увлек всех, кто на него ходил, что на третьем курсе почти все его слушатели записались и на спецсеминар, посвященный общественно-политической мысли древнего Рима. Участниками и спецкурса, и спецсеминара были не только те, кто специализировался по античности, но студенты, занимавшиеся историей России и даже неграми в Америке. Атмосфера на этих занятиях была удивительно творческой. На спецсеминаре делали длинные (на 45 минут) доклады о Таците, Сенеке, Эпиктете, Марке Аврелии, потом еще столько же времени их обсуждали. К каждому докладу готовились все, а не только докладчик. Поэтому обсуждение было содержательным, иногда даже бурным. Все занятия, которые проводила Лия Менделевна: и лекции, и спецкурсы, и спецсеминары,

²⁴ Например, рецензии на книги: Hans-Velt Beyer. *Über den Sachverhalt der Demosthenischen Rede für Phormion*. Berlin. 1959 // ВДИ. 1971. № 4. С. 212-217; Diederich Behrend. *Attische Pachturkunden*. München. 1970 // ВДИ. 1973. № 1. С. 217-221; Из новой литературы о Дельфах // ВДИ. 1961. № 4. С. 153-162.

не просто давали сумму знаний, но, и это, может быть, самое главное, будили мысль и стремление к познанию.

Те, кто писал у нее дипломные работы, получали хорошую научную школу, а также учились добросовестному отношению к делу, трудолюбию. Надо сказать, что Лия Менделевна внимательно читала любую работу, будь то диплом, доклад или всего лишь предварительные наброски статьи. Она сразу же начинала править стиль, подчеркивала сомнительные места, а то и просто перечеркивала написанное. Часто от первоначального текста почти ничего не оставалось и приходилось все переписывать заново. И так по нескольку раз. При этом она никогда не навязывала свою точку зрения на проблему, высказывала лишь сомнения, исправляла только явные ошибки, так как с большим уважением относилась к праву человека иметь собственное мнение.

Помимо лекций, семинаров Лия Менделевна много лет вела факультативы по латинскому языку, а иногда и по древнегреческому языку. Занималась она со всеми желающими. Это была благотворительность в чистом виде. Ни денег, ни уменьшения нагрузки эти занятия не давали. Работая в библиотеке, она не забывала делать выписки и для студентов, аспирантов. Иногда переводила для них целые монографии. Разбирая после ее смерти архив, мы нашли много таких выписок и конспектов книг и статей, на которых стоят имена тех, кому они предназначены.

Для Лии Менделевны важна была преемственность в науке. Она считала, что ученый должен иметь обязательно учеников, чтобы мог передать свои знания, опыт, даже просто материалы: картотеки, выписки, книги. К сожалению, официально у нее была только одна аспирантка, учившаяся в дневной аспирантуре ЛГПИ им. А.И. Герцена, Ольга Моисеевна Зельдина. По действовавшим тогда неписаным правилам, выпускникам института очень трудно было попасть в аспирантуру, тем

более по античности. Места, как правило, давались по направлениям из других городов. И Лия Менделевна занималась со своими бывшими студентами, в том числе и с автором этой статьи, в течение многих лет, никак это не оформляя. Она учила языкам, помогала писать статьи и доклады, внимательно читала главы диссертации по мере их написания, вносила исправления. Тему диссертации мне также предложила Лия Менделевна.

Сама она всю жизнь сохраняла верность своему учителю Соломону Яковлевичу Лурье. После его смерти она участвовала в подготовке к печати многолетнего труда Соломона Яковлевича о Демокрите,²⁵ никогда не пропускала заседаний посвященных его памяти, где бы они не проходили, в частности, ездила на такие конференции во Львов, где в последние годы работал Соломон Яковлевич.

В 1976 г. (4 июля) Лия Менделевна была уволена, как сказано в трудовой книжке, “по собственному желанию в связи с переходом на пенсию”. На самом деле формальным поводом для увольнения было сокращение кадров, поскольку уменьшалось по программе количество часов на кафедре, но многие считали, что это было частью развертывавшейся в стране кампании антисемитизма. А у Лии Менделевны было еще одно отягчающее обстоятельство, она не была членом партии. Чтобы не ставить членов кафедры в ситуацию выбора между людьми с одинаковыми данными, Лия Менделевна сама заявила о своем уходе. Так институт уволил ученого с мировым именем, единственного на кафедре доктора и профессора античности. Надо сказать, что Лия Менделевна так и осталась в истории кафедры всеобщей истории ЛГПИ (теперь РГПУ) им. А.И Герцена единственным доктором наук, занимавшимся проблемами истории древней Греции и Рима.

²⁵ С.Я. Лурье. Демокрит. Тексты. Перевод. Исследования. “Наука”. Л. 1970.

Вначале Лия Менделевна, как и все ее близкие, друзья, ученики, была возмущена и расстроена, но постепенно привыкла к своему новому положению и даже была рада, что теперь не нужно было тратить время на заседания и другую рутину, неизбежную на государственной службе. Она сосредоточилась на научной работе. Человек внутренне организованный, дисциплинированный, она продолжала работать по-прежнему в жестком режиме. Регулярно ездила в Библиотеку Академии наук. Очень переживала, когда болезнь или другие обстоятельства не позволяли ей попасть на очередную выставку новых поступлений. Выступала с докладами на конференциях, проводившихся в Ленинграде и в Москве. Написанные уже после выхода на пенсию статьи “Род и фратрия в структуре афинского полиса в IV в. до н. э.” и “Nothoi в социальной структуре афинского полиса в IV в. до н. э.”²⁶ обозначили новое тогда направление исследований в нашей науке. Они отличаются отсутствием схематизма в решении поставленных проблем. Представлена реальная сложная жизнь древнего города, общество, не укладывающееся в простые рамки деления на граждан, метеков, ксенов и рабов. Лия Менделевна показывает, что социальные группы не были резко отгорожены друг от друга.

Важнейшим вкладом Лии Менделевны в современную науку являются две главы в коллективном труде “Античная Греция”, в которых рассматриваются проблемы кризиса классического греческого полиса в IV в. до н. э.²⁷ В главе “Проблемы кризиса полиса”, выделив основные

²⁶ Фратрия и род в структуре афинского полиса в IV в. до н. э. // ВДИ. 1983. № 3. С. 39 - 52; Nothoi в социальной структуре афинского полиса в IV в. до н. э. // ВДИ. 1987. № 3. с. 84-96.

²⁷ Проблемы кризиса полиса // Античная Греция. Проблемы развития полиса. Т. 2. М. “Наука”. 1983. С. 5-42; Дельфийский полис в IV в. до н. э. // Античная Греция. Проблемы развития полиса. Т. 2. М. “Наука”. 1983. С. 43-72.

черты греческого классического полиса, Лия Менделевна показала, какие новые тенденции появились в IV в. до н. э. в земельных отношениях (проникновение негражданского населения в эту сферу, распространение аренды земли), в отношениях между гражданами и государством в сфере финансов и в политической жизни. Говоря о возросшей роли в экономической жизни Афин метеков, она делает важный вывод, что “сложившиеся условия настоятельно требовали уничтожения барьеров, препятствовавших людям, не имевшим гражданских прав, в полной мере участвовать в хозяйственной деятельности”.²⁸

В главе “Дельфийский полис в IV в. до н. э.” Лия Менделевна попыталась приоткрыть завесу тайны над политическим строем и социально-экономическими отношениями дельфийского полиса, анализируя три документа IV в. до н. э., отражающие различные аспекты внутренней жизни дельфийской общины.

Она также приняла участие в создании такого важного для студентов, преподавателей, и для широкого круга читателей, интересующихся древней историей, труда как “История древнего мира” в 3-х тт., написав для него три раздела.²⁹

В эти же годы учеными Петербурга и Москвы готовилось полное издание речей Демосфена, для которого Лия Менделевна перевела девять речей³⁰ и написала

²⁸ Проблемы кризиса полиса. С. 42.

²⁹ Греко-персидские войны // История древнего мира. Т. 2. Главная редакция восточной литературы. М. 1982. Т. 2. С. 160-181; Расцвет афинской рабовладельческой демократии // История древнего мира. Т. 2. Главная редакция восточной литературы. М. 1982. Т. 2. С. 182-197; Предэллинизм на Западе: Греция и Македония в IV в. до н. э. // История древнего мира. Т. 2. Главная редакция восточной литературы. М. 1982. Т. 2. С.234-261.

³⁰ Демосфен. Речи. В трех томах. “Памятники исторической мысли”. М. 1994. Л.М. Глускина перевела речи №№ XXXVII-XL (т. I); XLI, XLIII- XLIV, XLVIII, LVII (т. II).

большую статью.³¹ В ней она рассмотрела, используя данные речей Демосфеновского корпуса, различные стороны жизни афинского общества IV в. до н. э.: семейные институты, наследственное право и реальную судебную практику в этой сфере, законы, регулирующие кредитно-денежные отношения в морской торговле, при разработке Лаврийских рудников, а также нравы, которые царили в морском и банковском деле. К сожалению, это издание она не увидела. Оно вышло уже после ее смерти.

Безусловно, большое значение для изучения истории эллинизма в России имеет сделанный Лией Менделевной перевод с французского языка книги Э. Бикермана “Государство Селевкидов”.³² Она так много работала над этой книгой, добросовестно проверяя каждую греческую цитату, все сноски, сделанные автором, что у нее резко ухудшилось здоровье. А после проверки корректуры книги от сильного напряжения при чтении греческого текста, набранного мелким шрифтом в сносках, у нее началась болезнь глаз.

После выхода на пенсию Лия Менделевна продолжала занятия языками с бывшими студентами, теперь уже у себя дома. В первые годы у нее было две-три группы в неделю. Приходили студенты, последними слушавшие ее лекции в институте, и старые ученики. Несмотря на то, что эти занятия были неформальными, Лия Менделевна к ним относилась со всей серьезностью и обязательностью, строго придерживаясь заведенного

³¹ Социальные институты, экономические отношения и правовая практика в Афинах IV в. до н. э. по судебным речам Демосфеновского корпуса // Демосфен. Речи. В трех томах. “Памятники исторической мысли”. М. 1994. Т. II. С. 405-467.

³² Э. Бикерман. Государство Селевкидов. Пер. с франц. Л.М. Глускиной. М., Главная редакция восточной литературы издательства “Наука”, 1985.

распорядка. А уж о том, чтобы как-то компенсировать затраты ее времени и сил на нас не то, что заикнуться, но даже подумать было нельзя. Любые самые скромные подарки она отвергала. О деньгах, разумеется, не могло быть и речи.

Раз в неделю, делая перерыв только на летние месяцы, мы приходили в этот дом из года в год в течение 15 лет. Если занятия и не проводились, то чаще всего по нашей вине. Лия Менделевна отменяла их только, когда возникали какие-то непредвиденные обстоятельства. Мы читали не отрывки, а произведения античных писателей от начала до конца. Поэтому чтение одного текста растягивалось на несколько лет. Авторы всегда были два, один древнегреческий, другой латинский. За эти годы в итоге было прочитано несколько речей Демосфена, несколько книг Геродота, некоторые произведения Платона, Ксенофонта, Плутарха, полностью “Анналы” и “История” Тацита. Последними авторами были Тит Ливий и Фукидид. Она остались не дочитанными из-за болезни Лии Менделевны. Лия Менделевна исправляла ошибки перевода, восполняла пробелы в наших знаниях элементарной грамматики и давала исторический комментарий. Интересны были ее характеристики авторов. Особенно мне запомнилось такое высказывание: “Тацит все время думает, Плутарх повествует”. В процессе чтения обсуждались и особенности грамматики, стиля, биографии авторов, а иногда высказывания древних писателей, особенно Тацита, вызывали определенные ассоциации с современностью. Но действовало строгое правило, во время занятия не увлекаться посторонними темами.

После окончания чтения все шли на кухню пить чай. И эти беседы за чаем или кофе были еще одной причиной, почему нас так тянуло в этот дом. Из своей комнаты выходил Иосиф Давидович. Он с особым искусством, как бы священнодействуя, начинал заваривать чай.

В первые годы он еще любил варить кофе тоже по своему особому рецепту, но из-за болезни ему пришлось от него отказаться. Надо сказать, Лия Менделевна, приченная годами лишений в детстве и юности довольствоваться малым, и всегда жившая, как и все, в условиях всеобщего дефицита, была неприхотлива в еде. Иосиф Давидович ужасался (разумеется, шутливо), что она может пить чай, используя старую заварку. Говорили о разном: об истории, искусстве, литературе, поэзии. Иосиф Давидович читал стихи своих любимых поэтов, Осипа Мандельштама, Николая Заболоцкого.

Много говорили о политике, прежде всего о Сталине, репрессиях, предательстве, о современных вождях. Однако, ни Иосиф Давидович, ни Лия Менделевна, несмотря на перенесенные невзгоды, “не бросали в ближнего камень”, не клеймили и не избличали, хотя, разумеется, о некоторых политических деятелях, виновниках репрессий и о знакомых людях, делавших карьеру любыми средствами, они говорили нелицеприятно. Но высоко развитое этическое чувство часто не позволяло Лие Менделевне называть имена людей, которые вели себя недостойно в каких-то ситуациях. Однажды, уже после смерти Иосифа Давидовича, мы застали ее сильно взволнованной. Незадолго до нашего прихода она вернулась из библиотеки, где встретила человека, по доносу которого в свое время Иосиф Давидович попал в лагерь. Эта встреча ее потрясла и видно было, что она ему не простила, однако имя его нам не назвала, сказав, что он сам жертва.

Вообще Лия Менделевна не любила злословить и никогда не позволяла себе плохо говорить и тем более обсуждать своих коллег с учениками.

Ей не нравилась роль судьи. Я думаю, поэтому она не любила принимать экзамены.

Если она не принимала какую-то научную концепцию, она говорила только по существу, не выносила

приговора, а спорила по конкретным вещам, допуская при этом, что может быть сама не права. Она считала, что ученый имеет право на собственную точку зрения, отличную от общепринятой. В годы всеобщего единомыслия, когда не только в общественной жизни, но и во всех областях знаний должна была быть одна официально одобренная концепция, трудно было следовать этому принципу. Обсуждая работу одного ученого и не соглашаясь с его выводами, Лия Менделевна сокрушалась, что при царящих в обществе и науке нравах трудно его критиковать публично с тем, чтобы не причинить ему вред, и возмущалась, что в нашей науке не допускается сама возможность существования различных взглядов и подходов к проблеме. Либо нужно хвалить работу, если считаешь, что человек достоин того или иного научного звания, либо критиковать, но тогда есть опасность, что защита провалится. Тем не менее она, оппонировав на защитах диссертаций, всегда говорила объективно, давала точную оценку работе. Если она была не согласна с выводами ученого, но признавала его высокие исследовательские качества и обширные познания, то считала, что он имеет право на присвоение ученого звания.

Лие Менделевне был абсолютен не свойственен снобизм. Она никогда не кичилась ни своими научными званиями, ни знанием языков. Она возмущалась, несмотря на все свое уважение к собеседницам, вспоминая, как однажды в ее присутствии А.А. Ахматова и Н.Я. Мандельштам в разговоре смеялись над чьим-то английским произношением, так как считала, что они, имевшие возможность в детстве и молодости получить нормальное воспитание и образование, не имеют права смеяться над теми, кто в условиях советской власти был лишен этого.

Она была проста в общении с любым человеком, будь то всемирно известный ученый, сосед по дому или хозяйка дачи. Однажды в морозный зимний вечер она и

ее приятельница, возвращаясь домой, увидели заснувшего на скамейке пьяного. Две пожилых и не очень здоровых женщины пытались его затащить в дом, чтобы он не замерз на морозе.

Смерть Иосифа Давидовича в 1984 г. была для нее страшным ударом. Они были настолько неразделимы, что трудно было представить, как Лия Менделевна будет жить без него. В какой-то степени чувство долга перед его памятью помогло ей тогда выстоять.

Много сил и времени она потратила на разбор архива и библиотеки мужа. Исполняя волю Иосифа Давидовича она передала книги по библеистике, Кумрану и другие научные монографии, среди которых были уникальные издания, в институт Востоковедения. Благодаря ее стараниям вышел сборник статей Иосифа Давидовича.³³ Единственный раз в своей жизни Лия Менделевна побывала за границей, в Польше. И это была поездка на конференцию, где она делала доклад о жизни и творчестве Иосифа Давидовича и по материалам этого доклада опубликовала статью.³⁴ Последнее научное заседание в ее жизни – заседание в институте востоковедения, посвященное памяти Иосифа Давидовича, в ноябре 1990 г. В феврале 1991 г. Лия Менделевна умерла. Похоронена она на Еврейском кладбище в одной могиле с Иосифом Давидовичем. Архив и книги Лии Менделевны переданы в институт Востоковедения.

Вклад Лии Менделевны в развитие российской науки велик, но еще мало оценен. У нее нет и последователей. По-прежнему ее работы, посвященные структуре афинского полиса, соотношению государства,

³³ И.Д. Амусин. Проблемы социальной структуры обществ древнего Ближнего Востока (I тысячелетие до н. э.) по библейским источникам. Составитель Л. М. Глушкина. М. “Наука”. 1993.

³⁴ L. Gluskina. The life and work of Joseph Amussin (1910-1984) // *Revue de Qumran*. Т. 14. Fasc. 1, N. 53. P. 109-120.

фратрии, рода и семьи, остаются единственными по этой проблематике в российской историографии. Никто не занимается и социально-экономическими проблемами Афин IV в. до н. э., такими как кредитно-денежные отношения в морской торговле и др.

СПИСОК ТРУДОВ ЛИИ МЕНДЕЛЕВНЫ ГЛУСКИНОЙ

1. Плутарх. Никий (пер. с древнегреческого) // Плутарх. Избранные биографии. Под ред. Проф. С.Я. Лурье. Соцгиз. М.-Л., 1941 г. с. 104-123.
2. Дельфы в период Первой священной войны // ВДИ. 1951. № 4, с. 213-221.
3. Хроника научно-исследовательской работы кафедры всеобщей истории ЛГПИ // ВДИ. 1951 г., № 4, с. 235.
4. Рецензия: Taubenschlag. The Law of Greco-Roman Egypt in the Light of the Papyri. Warsaw. 1948. // ВДИ. 1952. № 4, с. 108-115 (совместно с И.Д. Амусиным).
5. Эзоп и антидельфийская оппозиция в VI в. до н.э. // ВДИ. 1954 г. № 4, с. 150-158.
6. Рецензия: В.А. Гольденберг. История древнего Востока. 1954; он же. История древней Греции и Рима. Харьков. 1955. // ВДИ. 1956, № 2, с. 82-89 (совместно с И.Д. Амусиным).
7. Дельфы как экономический центр древней Греции // Ученые записки ЛГПИ. XII, 1956. Вып. 2. С. 146-165.
8. Политические тенденции гомеровского гимна к Аполлону Пифийскому // ВДИ. 1956. № 4, с. 13-24.
9. Новые работы по истории земельных отношений и кредита в древней Аттике // ВДИ. 1957. № 4, с. 154-167.
10. Очерки истории древней Греции. Учпедгиз. Л. 1958 (главы IX, X, XI, XIII).
11. Рецензия: S. Lauffer. Die Bergwerkssklaven von Laureon. Wiesbaden. I-II. 1955-1956 // ВДИ. 1959. № 3, с. 181-191.

12. Афинские метеки в борьбе за восстановление демократии в конце V в. до н.э. // ВДИ. 1958. № 2, с. 70-89.

13. Социальный аспект эранос-займов в Аттике IV в. до н.э. // ВДИ. 1960, № 1, с. 35-45.

14. Нариси історії стародавньої Греції. Посібник для читателя. "Радянська школа". Киев. 1961. (разд. IX, X, XI, XIII).

15. Словарные статьи: "Дельфы", "Кодр", "Колофон", "Локры", "Мамертинцы" и др. БСЭ. 2-е изд.

16. Эйсфора в Афинах IV в. до н.э. // ВДИ. 1961. № 2, с. 23-33.

17. Из новой литературы о Дельфах // ВДИ. 1961. № 4, с. 153-162.

18. Die politischen Tendenzen des Homerischen Hymnus auf den Pythischen Apollon // Bibliotheca classica orientalis. 1961. № 4, p. 214-218.

19. Гиперид. Речи. Пер. с древнегреческого // ВДИ. 1962. № 1, с. 205-242.

20. Эсхин. Речь против Ктесифонта. Пер. с древнегреческого // ВДИ. 1962. № 4, с. 189-239.

21. Псевдоплутарх. Жизнеописания Гиперида и Эсхина. Пер. с древнегреческого // ВДИ. 1962. № 4, с. 239-241; 244-249.

22. Имущественные отношения и рабство в Аттике IV н. э. По речам Исея // Проблемы социально-экономической истории древнего мира (Сб. памяти акад. А.И.Тюменева). М.-Л., 1963, с. 222-237.

23. Трезенская надпись с декретом Фемистокла // ВДИ. 1963. № 4, с. 35-52.

24. Дельфы. Современная Историческая Энциклопедия. Т. 5. 1964. С. 86-87.

25. Хрестоматия по истории древней Греции. "Мысль", М., 1964 (разделы VIII-IX). Составление, переводы с древнегреческого, примечания.

26. К вопросу о правовом положении афинских вольноотпущенников в IV в. до н. э. // Конференция по изу-

чению проблем античности. 9-14 апреля 1964 г. Л. Тезисы докладов. АН СССР, С. 29-30.

27. О правовом положении афинских вольноотпущенников в IV в. до н. э. // ВДИ. 1965. № 1, с. 51-61.

28. Памяти учителя (в соавторстве) // ВДИ, 1965. № 1, с. 228-230.

29. *Metalla ergasima et anasaxima* в надписях афинских полетов // ВДИ. 1966. № 1, с. 87-91.

30. Исократ. О мире. Пер. с древнегреческого // ВДИ. 1966. № 3, с. 247-268.

31. Памяти С.Я. Лурье // Вопросы классической филологии. Львов. 1966. № 5, с. 5-7.

32. Судебные процессы по делам, связанным с рудниками, в Афинах IV в. до н. э. // ВДИ. 1967, № 1, с. 49-59.

33. Разрешены ли загадки афинской эйсфоры? // ВДИ. 1967. № 2. с. 257-265.

34. Вольноотпущенники в экономике Афин IV в. до н. э. // XX Герценовские чтения. Краткое содержание докладов. Л. 1967. с. 82-83.

35. Аренда земли в Аттике IV в. до н. э. // ВДИ. 1968. № 2. с. 42-58.

36. О некоторых аспектах кредитно-денежных отношений в Аттике IV в. до н. э. // XXI Герценовские чтения. Исторические науки. Краткое содержание докладов. Л., 1968, с. 96-98.

37. Исследования по социально-экономическим исследованиям в Аттике IV в. до н. э. (Автореферат докторской диссертации). Л., 1968.

38. О некоторых аспектах кризиса афинского государства в IV в. до н. э. // Программа заседаний и тезисы докладов конференции по проблемам античности. М., 1968. 27-30 мая. С. 12-13.

39. *Die Troizenische Inschrift mit dem Dekret des Themistokles* // *Bibliotheca Classica Orientalis*. 1968, № 2, p. 94-97.

40. Zu den rechtlichen Stellung der Athenischen Freigelassen im IV Jhrh. v. Chr. // Bibliotheca Classica Orientalis. 1968, № 3, p. 186-189.

41. Писистрат. Сов. Историческая Энциклопедия. т. 2, 1968, с. 166.

42. Metalla ergasima und anasaxima in den Inschriften der athenischen Poleten // Bibliotheca Classica Orientalis. 1968, № 4, p. 224-226.

43. К вопросу о конфискации имущества в древних Афинах // XXII Герценовские чтения. Исторические науки. Краткое содержание докладов. 1969, с. 192-194.

44. Лаврийские серебряные рудники в IV в. до н. э. // Ученые записки ЛГПИ им. Герцена. Т. 307, 1969, с. 313-326.

45. Вольноотпущенники в экономике Афин IV в. до н. э. // Ученые записки ЛГПИ им. Герцена. Т. 307, 1969, с. 295-312.

46. О некоторых аспектах кредитно-денежных отношений в Аттике IV в. до н. э. // ВДИ. 1970, № 3, с. 17-43.

47. Новые данные об афинских манумиссиях IV в. до н. э. // XXIII Герценовские чтения. Исторические науки. Краткое содержание докладов. Вып. 2. 1970. Л., с. 125-127.

48. Программа по истории древнего мира для педагогических институтов. "Просвещение". 1970 (в соавторстве).

49. Рецензия: R. Bogaert. Banques et banquiers dans les cites // ВДИ. 1970. № 4. С. 171-179.

50. Рецензия: Hans-Velt Beyer. Uber den Sachverhalt der Demosthenischen Rede fur Phormion. Berlin. 1969 // ВДИ. 1971, № 4, с. 212-217.

51. К вопросу о землевладении и земледелии в структуре дельфийского полиса // XXIV Герценовские чтения. Исторические науки. Краткое содержание докладов. Л. 1971. С. 153-155.

52. Экономическая основа лидийско-дельфийских отношений в VII-VI вв. до н. э. // Тезисы докладов на V всесоюзной сессии по Древнему Востоку. Тбилиси. 1971. С. 100-101.

53. Практические занятия по истории древнего мира. (Тематика и методические разработки для студентов исторического факультета). Составители: доц. В.Н. Андреев (темы 1, 2, 4-7), проф. Л.М. Глускина (темы 3, 8-21). Под редакцией проф. Л.М. Глускиной. Изд-во ЛГПИ им. А.И. Герцена. Ленинград. 1972.

54. Законодательное регулирование процентных сделок в Дельфах IV в. до н. э. // XXV Герценовские чтения. Исторические науки. Л., 1972, с. 153-156.

55. О специфике греческого классического полиса в связи с проблемой его кризиса // Тезисы докладов авторско-читательской конференции ВДИ 29-31 мая, 1972, с. 14-15.

56. Рецензия: Diederich Behrend. Attische Pachturkunden. Munchen. 1970 // ВДИ. 1973. № 1, с. 217-221.

57. О специфике греческого полиса в связи с проблемой его кризиса // ВДИ. 1973. № 2, с. 27-42.

58. Основа лидийско-дельфийских отношений // XXVI Герценовские чтения. Исторические науки. Краткое содержание докладов. 1973. С. 114-118.

59. Studien zu den sozial-ökonomischen Verhältnissen in Attika im 4 Jh. v.u.Z. // "Eirene". Praha. 1974. p. 114-138.

60. Проблемы социально-экономической истории Афин IV в. до н. э. Спецкурс. Изд-во ЛГПИ. Л., 1975.

61. История древнего мира. Учебно-методическое пособие для студентов-заочников исторических факультетов педагогических институтов. Под ред. Л.М. Глускиной. МГЗПИ. М. "Просвещение", 1975. Л.М. Глускина – темы 8-10, 16, 17, 19, 23-40, 42, 44-59, 61, 62.

62. Zum spezifik der klassischen griechischen polis // Klio. 57/2, 1975, p. 415-431.

63. Дельфы и эллинистические полисы. Тезисы доклада конференции "Eirene", Ереван, 1976, с. 98-100.
64. Фратрия в структуре дельфийского полиса // XXIX Герценовские чтения. 1976. С. 102-106.
65. Фокея. СИЭ. Т. 15. 1974-1977. С. 227.
66. Фокида. СИЭ. Т. 1974-1977. С. 227.
67. Халкида. СИЭ. Т. 15. 1974-1977. С. 497.
68. Асилия эллинистических полисов и Дельфы // ВДИ. 1977. № 1, с. 82-94.
69. Асилия Теоса и Дельфы // Проблемы античной истории и культуры. Доклады XIV международной конференции античников социалистических стран "Eirene", Ереван. 1979. С. 346-353.
70. Lea Gluskina. Bemerkungen zum dem neuen Hochschullehrbuch "Griechische Geschichte bis 146 v.u. Z." Von einem Autorenkollektiv unter Leitung von Heinz Kreissig. Berlin. 1978 // Klio. 64. 1982. № 1, p. 299-302.
71. Греко-персидские войны // История древнего мира. Т. 2. Расцвет древних обществ. Гл. ред. Восточной литературы. М., 1982. С. 160-181.
72. Расцвет афинской рабовладельческой демократии // История древнего мира. Т. 2. Расцвет древних обществ. Гл. ред. Восточной литературы. М., 1982. С. 182-212.
73. Греция и Македония в IV в. до н. э. // История древнего мира. Т.2. Расцвет древних обществ. Гл. ред. Восточной. Литературы. М., 1982, с. 234-261.
74. Проблемы кризиса полиса // Античная Греция. Проблемы развития полиса. Т. 2. М., "Наука", 1983. С. 5-42.
75. Дельфийский полис в IV в. до н. э. (некоторые аспекты внутриполитической истории) // Античная Греция. Проблемы развития полиса. Т. 2. М., 1983. С. 43-72.
76. Род и фратрия в структуре афинского полиса в IV в. до н. э. // ВДИ. 1983. № 3, с. 39-52.

77. Бикерман Э. Государство Селевкидов. Перевод с французского Л.М. Глускиной. М., 1985.

78. Дарование гражданства в Афинах в свете новой литературы. Рецензия на: Osborn M.J. *The Naturalisation in Athens. v. I-IV.* Brussel. 1981-1983 // ВДИ. 1986. № 2, с. 199-212.

79. Paragraphe в судебной практике Афин IV в. до н. э. Тезисы доклада // X авторско-читательская конференция ВДИ. М., 1987. С. 46.

80. Nothoi в социальной структуре афинского полиса в IV в. до н. э. // ВДИ. 1987. № 3. С. 84-96.

81. L. M. Gluskina. *The Life and Work of Joseph Amussin (1910-1984)* // *Revue de Qumran.* № 53. Juin. 1989. T. 14. F. 1. P. 109-120.

82. Демосфен. Речи. В трех томах. М., “Памятники исторической мысли”. 1994. Перевод речей №№ XXXXVII-XL (т. I); №№ XLI, XLIII-XLIV, XLVIII, LVII (т. II).

83. Социальные институты, экономические отношения и правовая практика в Афинах IV в. до н. э. По судебным речам Демосфеновского корпуса // Демосфен. Речи. В трех томах. М., “Памятники исторической мысли”. 1994. Т. II, с. 405-467.

84. Гражданство и права человека // Античность и современность. М. 1991. С. 7-2.

НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ РАБОТЫ

1. К вопросу о завещании Пасиона. Доклад на конф. ЛГУ. 1987.

2. Амфиктиония. Энциклопедия “Античность”.

3. Дельфы. Энциклопедия “Античность”.

4. Ойкос и полис в Афинах IV в. до н. э. Доклад на конференции общества антиковедов “Проблемы соотношения ойкоса и полиса” 30 мая 1990 г.

5. Роль устного слова в повседневной жизни Афин в IV в. до н. э. Доклад на заседании, посвященном 71

годовщине со дня рождения С.Л. Утченко в Москве. З. 12. 1979 г.

6. Самос в период правления Поликрата. Рукопись. Без даты.

ДИССЕРТАЦИИ

1. Политическая роль дельфийского оракула (из истории Дельфов VI в. до н. э.). Диссертация на соискание ученой степени к.и.н. Л., 1948 г. машинопись. 226 стр.

2. Исследования по социально-экономическим отношениям в Аттике IV в. до н. э. Диссертация на соискание ученой степени доктора ист. наук. 1968 г. Л., в 2-х тт. 619 стр. машинопись.